

ISSN 2409-8914

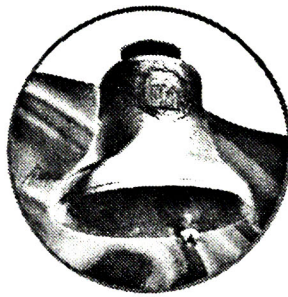
Российский колокол

СовременникЪ

СБОРНИК | № 10, 2020

Интернациональный Союз писателей
Москва 2020

Оглавление

Слово редактора.....11

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ МИХАИЛА ЛЕРМОНТОВА

Михаил Юрьевич Лермонтов 14

Мцыри15

ПОЭТЫ И ПРОЗАИКИ XXI ВЕКА

Doc Stenboo 42

Люблю Сибирь, как Лермонтов Кавказ
(созвучие поэзии времен)43

Душепоющая Сибирь.....43

Любовные грезы.....50

Воспою мою Рассею52

Ehegi monumentum57

Рамиз Аббаслы 58

•Девятое место (рассказ).....59

•Мальчик без имени (рассказ).....64

Песня слепого (рассказ).....73

Аншлаг (рассказ).....79

Бригада новичков (рассказ).....87

Любовь Бондаренко 100

Луганщина моя101

Мы родиной Луганщину зовем102

Наград вы достойны.....102

Домик на Руси103

В трех измерениях жизнь проживается104

Не лечит время нас105

Выйду в полюшко.....105

Осенняя рапсодия.....	106
У реки тополя загрузили	107
Мелодия в ночи (песня).....	107
Зимушка явилась.....	108
Никому не отдам (романс).....	109
Ты меня не жди.....	109
Одиночество.....	110
Стихи для детей.....	111
В гостях у бабушки (песня).....	111
Гном и бабочка (песня)	111
Квакота	112
Дождь чечетку плясал.....	113
На рыбалке	114
Веснушки.....	114
Игорь Дядченко	115
Волшебный подарок.....	116
Александр Золотов-Сейфуллин	122
Мини-поэмы	123
Посвящение М. Ю. Лермонтову	123
Сила разума	126
Фуга	132
Движимый верой	134
Другие стихи.....	135
Посвящение В. Шукшину.....	135
Дж. Г. Байрону.....	136
Друг Аристотель.....	136
Другу (Д. Н.)	137
Как сладко.....	138
Зухре.....	138
Диане	138
О поэте.....	139

Светлана Иванова-Шипилова	141
Лермонтов и Н. Ф. И.....	142
Михаил Лермонтов и Варвара Лопухина	144
Лермонтов и его Демон.....	148
«Ценой жестокой, страшной искупил ты»	155
Николай Ивлеев	156
«Иду я в жизнь, в судьбу не веря»	157
Гражданин	157
«Не окропляй святой слезой»	158
«Наши встречи оборвались грубо»	158
«Что наша жизнь? Недоуменье».....	159
«Свобода стаду не к лицу».....	159
«Все диссиденты обретут покой».....	159
«В сердцах у нас клокочет злоба».....	159
«Интеллигенция гнилая»	160
«Здесь все бездарно, все постыло».....	160
«Мне по душе шальные ветры»	160
Из нашей биографии.....	161
Георгий Мединцев	172
К картине И. И. Бессонова по роману М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»	173
В мемориальном комплексе «Домик Лермонтова».....	174
Утро в Тбилиси.....	175
Мгновения проснувшегося восторга.....	175
Мое сокровище.....	176
Прибой немолчно трепетал.....	176
Муза.....	177
А. Д. Ларионовой. Молитва	178
Она!.....	179
Вдохновение ночи.....	179
Поле русское.....	180

Мгновения счастья	181
У Верхних ванн в Курортном парке	182
До Минвод	184
Михаил Палецкий	185
Хроника пути к Копернику	186
Исходная точка	186
Странная встреча.....	189
Тихая гавань	190
Веха	193
Зеркало	194
Загадка сфинкса.....	196
Книга	198
Загадка профессора	200
Последняя точка.....	201
Девушка для аспирантуры.....	202
Нина с Ковалевки.....	202
Обнаженная купальщица.....	210
Магия цифр	217
Харьковский террариум	219
Санкт-петербургский паноптикум.....	222
Перекресток.....	226
Торенские одуванчики.....	227
Проверка боеготовности.....	228
Два дня в Москве	232
В Брянском лесу	235
Пятый угол.....	236
Вадим Пряхин	237
1. Великая надежда	239
2. Расплата за оскорбление	239
3. Уединяться не каждому дано	239
4. Сентиментальный порыв.....	239

5. Лекарство для души	239
6. Ностальгия радости	239
7. Интересное соперничество	239
8. Анатомия души	240
9. Диалог	240
10. Толстуха и ее работник	240
11. Жизнь, как фортепьянная игра.....	240
12. Цель всегда необходима	240
13. Это всех касается... ..	240
14. Как милого пленить?.....	240
15. Однако всякое бывает	240
16. Бывает и такое.....	240
17. Что есть награда?	240
18. Мир зазеркалья	240
19. Шагай счастьем навстречу!.....	241
20. Знать и понимать... ..	241
21. Главная причина.....	241
22. Если тебе скучно... ..	241
23. Прогулки были необходимы.....	241
24. Феномен забывчивости	241
25. Юркая стабильность	241
26. Щадит ли он нас?.....	241
27. Хороший советик.....	241
28. Ясность мышления.....	241
29. Мудрость мышления	241
30. Силушка необузданная	242
31. Примитивный лентяй.....	242
32. Заветное желание.....	242
33. Каждому свое!.....	242
34. Бесплодные мечты	242
35. Кого следует избегать?.....	242
36. О разных трудностях	242
37. Шарм одиночества.....	242

38. Изверг приторно-вежливый	242
39. А что делать?	242
40. Доверять своим позывам!	242
41. Чем звонок характерен?	243
42. Ежели тоскливо стало.....	243
43. Физиология одиночества.....	243
44. Риск не всегда оправдан.....	243
45. Хоть это и нелегко	243
46. Цена взаимной любви.....	243
47. Явная цена	243
48. Эталонная красавица	243
49. Высокие отношения	243
50. Тяжелая страсть	243
51. Разница обязательна	243
52. Щекотка мечты.....	244
53. Учиться бизнесу непросто.....	244
54. Твой тяжкий жребий	244
55. Любовная реакция.....	244
56. Женские пристрастия.....	244
57. Главная его особенность	244
58. Загадка внутреннего бытия.....	244
59. Самообман налицо	244
60. Пока мы живы	244
61. Щедрость судьбы	244
62. Эротика любовного гнета.....	244
63. Если силы имеются.....	245
64. Украшающая личность простота.....	245
65. Личностные особенности.....	245
66. Равнодушие от боязни.....	245
67. Быть праведником нелегко.....	245
68. Об очевидности поражения.....	245
69. Это тоже повод	245
70. Хорошая особенность.....	245

71. Надо – значит надо!.....	245
72. Выбор очевиден не всегда.....	245
73. Хочешь или нет.....	245
74. И так бывает.....	246
75. Твой путь	246
76. Фактическая любовь	246
77. Мечтаем о невозможном.....	246
78. Жизнь всегда непредсказуема	246
79. Явление личного негатива.....	246
80. Чтобы настроение поднять	246
81. Цепляться за успех необходимо!.....	246
82. Шикарное утверждение	246
83. Юрка и коварна любовь?.....	246
84. Главное – помнить	246
85. Деньги не все решают	247
86. А всегда ли так?	247
87. Как быть умным?	247
88. Силы беречь надобно!	247
89. О полноценном браке	247
90. Работа над собой.....	247
91. Факты нужны!	247
92. В чем состоит смысл жизни?.....	247
93. Дар близким людям.....	247
94. Чтобы на плаву остаться.....	247
95. Потенциал – аванс успеха.....	247
96. Мыслить реально!.....	248
97. Никто не гарантирует постоянство	248
98. Если пришлось расстаться	248
99. Атрибуты любви	248
100. Знать это не положено?	248

Елена СклЯрова	249
Стихи переживут века	250
Новогодние мечты	251
Рождественский подарок	252
Поэт дарит людям свет	253
Высота чувств	254
Красота родного языка	255
Аритмия стихосложения.....	256
Некрасивых женщин не бывает	257
Величие женщин	258
Королева звонких струн.....	259
Новый сказ.....	260
Современный спас	261
Молодежь тон задает.....	262
Автограф Шанс	263
Моя странная любовь	264
Мы русские	265
Как-то так.....	266
Про русича	267
Когда бы.....	267
Родной язык.....	268
Невидимые усилия	269
До времен не худших.....	270
Основы.....	271
Живи и радуйся.....	272

Песня слепого (рассказ)

Как и многие дети Карабаха, в детстве я тоже любил петь. По-моему, хорошо пел, и за это меня приглашали петь на концерте самодеятельного коллектива. А мне самому нравилось петь на свободе, в основном когда я со своими сверстниками пас овец и коров в долине реки или на

предгорных пастбищах. Ближе к закату солнца мы возвращались с пастбищ. В низовьях долины, недалеко от речки, был кяриз – источник чистой воды, это то же самое, что и родник. Коровы и овцы стали пить воду из речки. А мы пили воду из кяриза, умывались, потом шли за стадом, которое уже направлялось в сторону деревни. Впереди шли коровы, гордо демонстрируя свои длинные рога, а за ними – козлы и овцы. Переправившись через речку, вся эта процессия выходила на прямую дорогу. Вот тогда мальчики и девочки просили меня петь. Я и сам хотел петь; все было так прекрасно и романтично, что волей-неволей хотелось петь. Но была какая-то задержка, потому что я не знал, с чего начинать. А терпение моих товарищей лопало, они умоляли: «Просим, умоляем! Спой что-нибудь. Да ладно...» Я начинал петь и чувствовал, что пою хорошо, даже намного лучше, чем на концерте в клубе.

Один раз я стал петь, когда шел в школу. Это был редкий случай: я никогда не пел по дороге в школу. В то время я учился в шестом классе, а наши занятия начинались в полдень, то есть во вторую смену. Итак, в полдень, идя в школу, я начал петь.

В моем репертуаре в основном были народные песни. А идя в школу, я пел песню из спектакля, когда озвучивали ее, диктор обычно так и объявлял: «Песня слепого из спектакля...» Это очень грустная и трудная песня. В тот день настроение у меня грустным не было, но почему-то стал петь именно эту песню:

Чаша терпения переполнилась,

Где же ты, справедливость?

Отзовись, ты слышишь?..

Я пел и продолжал свой путь. Прошел мимо одного дома. Этот дом принадлежал самому бедному человеку нашей деревни. Люди там жили очень бедно: у них ни коров, ни овец, ни козлов не было. У них, по-моему, даже курей не

было. А вот собак они точно не держали. Земля их – приусадебный участок – никогда не вспахивалась, там огорода не было и деревья не росли. Одно-единственное тутовое дерево, на вид старое и чахлое, как его владелец, росло в передней части уныло-серого нищенского дома. Куда ни глянь – везде и всюду царила страшная беднота. Пройдя мимо этого дома, краешком глаза я заметил, что второй сын бедняка, молодой человек лет двадцати, стоит ближе к воротам пустого двора и слушает, как я пою.

Я уже дошел до другого дома – соседа бедняка. Между тем песня уже была на стадии завершения; именно эту часть ее – концовку – исполнять очень трудно. Но я успешно справился с этой задачей; завершив свое выступление, облегченно вздохнул и хотел ускорить шаг, чтобы не опоздать на первый урок. Вдруг услышал звук сзади. Повернувшись, увидел, что этот молодой человек вышел на улицу и смотрит в мою сторону. Как только я повернулся, он тут же сказал: «Гурбан олум, гардаш! Спой эту песню еще раз. Очень прошу, умоляю!»

Не раздумывая, я начал петь, точь-в-точь повторяя то, что пел до этого. А второе пение явно было лучше первого. Завершив свое выступление, я повернулся и посмотрел назад. На расстоянии около ста метров, опустив голову, молодой парень стоял так, как будто это был не живой человек, а некая статуя. Я быстро отвернулся и, ускорив шаг, пошел в школу.

В то время я не придавал значения этому. Хотя что-то особенное было в просьбе молодого человека. Правда, иногда меня просили петь. Но так не просили. К тому же обычно просили те люди, которые меня знали. А я не был знаком с этим человеком. Мы жили в разных, отдаленных местах: я – на верхней, правобережной части деревни, в Чайкенте, а он жил в нижнем левобережье. Он был старше меня, я с ним не общался никогда. Я просто знал, чей он

сын и как его зовут. А он, по-моему, даже не знал, как меня зовут, и вдруг так спросил.

Впоследствии, спустя десятилетия, иногда вспоминая это событие, я постарался кое-что выяснить для себя. В то время в отдаленных деревнях телевизора не было. Радио уже появилось, но мало у кого была такая роскошь. Безусловно, у этой бедной семьи тоже радиоприемника не было. А какую-то песню люди могли слышать или на свадебных торжествах, или по радио. «Песня слепого» грустна и неритмична, на свадьбах таких песен не поют. Итак, получается, что сын бедняка эту песню впервые услышал в моем исполнении. Эта песня – голос души судьбой обиженного человека – слепого. Чем же лучше человек очень бедный? Он гол как сокол и такой же одинокий, такой же несчастный, как слепой. Бедный сосед соседям не нужен, бедный родственник не родной человек, он чужой, вся родня сторонится его, как зачумленного. Мир таков, он очень жестоко обращается с людьми такого рода. В «Песне слепого» об этом и говорится: слепой, покинутый всеми одинокий, несчастный человек отвергает этот жестокий мир, считает его несправедливым. Об этом пел и я. А сын бедного мужика услышал эту песню. Но это же голос его души! Ах вот оно что, оказывается, есть и песня, в которой поется о его чувствах и думах! Молодой человек был шокирован. Он выскочил, побежал к воротам, хотел знать, кто же поет. А, вот он, мальчик какой-то идет в школу и поет. Интересно, кто это? Да какая разница, кто он? Главное, он хорошо поет. Молодец! Его звонкий голос порхает над деревней, как стая диких голубей, обитающих в инджирлике, шаркая своими сильными крыльями, рвется к облакам, еще дальше – к звездам. .. Господи, как он поет и как точно передает то, что всю жизнь волновало сердце бедного парня:

Чаша терпения переполнилась,
Где же ты, справедливость?
Отзовись, ты слышишь?..

Когда началась оккупация, не все жители нашей деревни успели покинуть свои дома. Остались в основном пожилые люди. Они не могли поверить тому страшному, о чем говорили многие, и часто, притом с явной иронией, спрашивали: «Как это? Зачем? А куда я пойду, если еле хожу? Нет, нет, что вы! Я даже полдня не могу прожить в другом месте, тем более в каких-то вагонах, палатках. Я останусь здесь. Убьют? А это зачем? Я никому ничего плохого не сделал...» Артиллерийские снаряды летели над их головами и рядом с ними, точно попадая в цель, разрушали наиболее заметные здания: школу, мечеть, административный центр бывшего колхоза, двухэтажные дома состоятельных людей... Обстановка накалялась. А наивные люди – в их числе был и сын бедняка, но уже немолодой – все медлили, откладывали свой уход. И вдруг... Оказывается, уже уйти куда-то подальше, спастись, невозможно. Деревня была оккупирована. Разрушили все то, что можно было разрушить, сожгли все то, что можно было сжечь. Люди... Об оставшихся там людях ничего не известно, их считают пропавшими без вести.

Человек же не иголка, как это – «пропавшие без вести»? Когда деревня была оккупирована, там были люди. Их или убили, или взяли в плен. Однако есть и другая версия: их не убили, в плен тоже не взяли; их не трогали по той простой причине, что в той разрухе они долго не проживут и скоро сами умрут с голоду, – наверное, так и было.

Сын бедняка тоже остался в оккупированной деревне. Но, в отличие от других заложников, он с детства привык к лишениям и трудностям. В принципе, его образ жизни не изменился. У него было и другое преимущество – его дом уцелел. Оккупантов можно понять: зачем разрушать хижину нищего? Зачем сжигать приусадебный участок, если там ничего не растет? Итак, вся недвижимость бедняка,

которую он унаследовал от своего отца, осталась нетронутой. А он продолжил жить в своем привычном режиме. Наверное, еще долго будет жить. Я даже представляю, чем он занимается: с утра до вечера стоит на улице – на дороге, которая вела в школу, – возле ворот, где я его видел в последний раз, опустив голову, слушает свою любимую песню – «Песню слепого». Школы как таковой уже нет: ее разрушили до основания. А дорога остается, но она так заросла травой, даже не верится, что эта длинная полоса когда-то была дорогой. По этой дороге в школу ходил и мальчик, который любил петь. Особенно хорошо пел он «Песню слепого». Мальчика уже нет: он вырос и давно, даже задолго до оккупации, покинул деревню. А песня, которую он пел всего два раза, остается. Его звонкий голос, то поднимаясь, то опускаясь, звучит неустанно и непрестанно, кружится над развалинами деревни, как стая диких голубей в безутешном поиске разрушенного гнезда.

Вся деревня разрушена. Кладбище и мечеть тоже разрушили. Когда-то цветущая и красивая, деревня превращена в огромное кладбище. В долине реки поселились демоны и дьяволы. Там по ночам бродят призраки. Везде и всюду царит гробовая тишина. Но временами слышен какой-то отвратительный звук – демоны и дьяволы о чем-то говорят между собой. Это так подло и так ужасно, что земля страшно содрогается, мертвые силятся перевернуться в своих гробах. Внизу, в чаще леса разрушенных домов, в самом центре обширной разрухи, опустив голову, стоит неподвижно, как статуя, беднейший человек мира; затаив дыхание, он слушает песню слепого:

Чаша терпения переполнилась,
Где же, ты, справедливость?
Отзовись, ты слышишь?..

Аншлаг (рассказ)

Майор иногда хвалил нас. Сказал, что мы хорошо поем. Нам было очень приятно, и мы старались петь еще лучше. Нашими же слушателями были солдаты и офицеры полка. Но это не все. Кроме всякого рода зданий на территории полка были еще одноэтажные финские дома с небольшими земельными участками. Проходя по дороге между рядами этих домов, мы видели там белокурых молодых женщин в небрежно застегнутых легких халатах, при виде которых наши молодые сердца смутно волновались; там же, в тени деревьев, резвились дети – это были семьи офицеров. Значит, когда мы пели, нас слушали не только солдаты и офицеры, но и эти молодые женщины и их дети.

Мы не были певцами. Мы были студентами, но не учились в консерватории – мы учились в университете. Сейчас университетов стало больше, практически все высшие учебные заведения называются университетами. А в то время в Азербайджане был всего один университет. И мы гордились тем, что учимся именно в этом единственном университете. Кроме всяких кафедр у нас еще была военная кафедра. Начиная со второго курса в течение трех лет нас, студентов-парней, учили военному делу. По окончании четвертого курса, сдав экзамен, мы получали звание лейтенанта и становились офицерами запаса.

Вот наконец-то и мы закончили четвертый курс, сдавали экзамены. А надо было сдавать еще один, последний экзамен. Но сдавать его было не так-то просто, это была целая история. Чтобы сдавать экзамен по военному делу, студентов забрали в какую-то военную часть; ребята там два месяца жили в солдатских казармах, бесплатно питались в солдатской столовой, повторяли весь пройденный материал, стреляли из пистолетов, автоматов, пулеметов,

участвовали в мнимой атаке позиций вероятного противника, совершали длинный марш-бросок, а в самом конце сдавали экзамен.

Студентов нескольких факультетов, в том числе и нас, ребят с химфака, забрали в Нахичевань. Там, в селе Киврак, недалеко от советско-иранской границы, расквартировался советский полк. Чтобы попасть туда, мы долго, почти сутки, ехали на поезде. В общем вагоне, куда нас зачихали, было жарко, отвратительно душно и очень тесно; народу было так много, что даже найти место, чтобы посидеть, было невозможно. Я с одним из моих товарищей по факультету в поисках свободного места долго крутился. Но, увы, все места были заняты. Мы уныло стояли и ждали: может быть, кто-то встанет и освободится место для нас. Наконец сбылась наша мечта, но не полностью: освободилось только одно место, и мой товарищ быстро сел туда. Через некоторое время он ухитрился и каким-то образом нашел место и для меня рядом с собой. До этого дня я его не очень-то хорошо знал, потому что он, как оставшийся на втором курсе, присоединился к нам позже. А к таким людям, как правило, относились не очень-то уважительно, считая их чуть ли не второсортными. А он, мой товарищ, оказывается, очень хороший парень и в этой трудной поездке меня опекал как заботливый старший брат. Я стал его уважать, ценить и за период двухмесячных сборов больше всех с ним общался; мы часто сидели за шахматной доской и, отключаясь от пустой болтовни, молча играли в шахматы. Между прочим, ежедневные тренировки дали свои положительные результаты: в начале сборов я понял, что почти все ребята играют лучше меня, а в конце же я стал выигрывать у всех, за исключением одного, который был не самоучкой, как мы; в детстве он шахматами занимался профессионально и даже стал чемпионом среди школьников своего района.

Напротив нас, на высоте примерно двух с половиной метров, на третьем ярусе вагона спал один студент. А мы все – сидящие и стоящие на ногах – завидовали этому счастливчику. А тот спокойно спал себе как ни в чем не бывало. Так продолжалось до двух часов ночи. Вдруг среди ночи счастливчик зашевелился, проснулся, повернулся, открыл свои глаза и стал с вершины своего благополучия смотреть на нас тупым и сонным взглядом. Я его не знал. Вообще-то, как ни странно, кроме своих товарищей по факультету, остальных студентов я не знал, как будто эти четыре года мы учились не в одном, а в разных учебных заведениях. Счастливчик приподнялся, повернулся в обратную сторону, спустился вниз и пошел в сторону туалета. Еле пробираясь в тесном вагоне, он шел и шел, а я смотрел ему вслед. Наконец он дошел до туалета, встал в очередь. А в очереди было приблизительно семь-восемь человек. Значит, он нескоро вернется, а это заветное место будет свободным примерно 25–30 минут. Так подумав, я посмотрел наверх. Мой товарищ тоже посмотрел наверх и, сказав: «Я займу это место», быстро поднялся со своего места.

– А если он вернется и скажет: «Это мое место»? – возразил я.

– А где его место? Это же общий вагон, – сказал мой товарищ. А я в очередной раз убедился, что он умнее меня. – Я займу это место. Голова лопнет. Через час меня разбудить, по очереди будем спать.

Он молодец, правильно оценил ситуацию и принял правильное решение. Наверное, из него выйдет хороший офицер; на занятиях по военному делу нас учили, что офицер всегда должен правильно оценивать обстановку и принимать соответствующее решение.

Экс-счастливчик вернулся поздно и, когда увидел, что на третьем ярусе вагона кто-то спит, явно смутился. Это уже говорило о том, что он не умеет правильно оценивать

обстановку. Потом он куда-то ушел, и я его больше не видел. Но своего умного товарища разбудил я не через час, а ровно через три часа. Он заслужил это, пусть спит себе на здоровье, думал я.

Мы сошли с поезда на какой-то станции. Потом долго ходили пешком по бездорожным полям и пастбищам – наверное, это была окраина Киврака. И вдруг перед нами появилась территория полка. Ой, слава богу! Наконец-то... Мы измучились, очень устали и сильно проголодались, я почти сутки ничего не ел.

В полку нам выдали военную форму и сказали: «Ребята, вы потные, грязные. Идите в баню, хорошенько вымойтесь. Только потом можно надевать эту чистую форму». Мы так и сделали. А как только помылись, переоделись и покушали в столовой, забыли все тяготы и лишения. Начали даже шутить – издевались над своими слабостями. Мы уже были солдатами, но нас называли курсантами.

Нахичевань – прекрасный край солнечного Азербайджана. Зимой там холоднее, летом же относительно теплее. А мы туда приехали в начале июля. Температура воздуха поднялась уже до сорока градусов, иногда было даже выше – об этом говорил нам наш майор. У него был какой-то прибор: маленькая штука, похожая на компас, и он по этому прибору определял температуру воздуха.

– Ребята, сегодня сорок два градуса в тени, – говорил иногда майор. – Идите в казарму и постарайтесь до четырех часов не выходить на улицу. Опасно, запросто можно получить солнечный удар.

Этого майора мы знали уже три года и, называя «наш майор», отличали от других майоров военной кафедры. Кроме этих майоров там было еще три подполковника. А военную кафедру возглавлял полковник, Герой Советского Союза Малик Магеррамов.

Первое время мы строго соблюдали запреты майора и без веской причины не выходили на солнце. Возле казармы сидели в тени деревьев, играли в шашки, шахматы, рассказывали анекдоты, смеялись, веселились – убивали время. Свободного времени было много, анекдотов же было мало, поэтому приходилось их повторять. А это снижало юмористический эффект рассказа. Чтобы устранить этот недостаток, кто-то вносил изменение в процедуру: рассказчик в самом конце должен был объявить, что он сказал все. Для убедительности кто-то из слушателей спрашивал: «Ты действительно закончил?»

– Да, – отвечал рассказчик, при этом он должен был вести себя очень строго и ни в коем случае не улыбнуться.

А допрос продолжался:

– Но смотри, не обманывай нас!

– Нет, что вы. Я сказал все.

– Ну, ребята, человек уже закончил свой рассказ. При желании можно даже смеяться.

Хотя при допросе рассказчика кое-кто не выдерживал и уже начинал смеяться, а после «официального разрешения» все ребята хохотали хором. Вот так мы убивали время.

Один раз я сходил в библиотеку полка. Хотел посмотреть, что там у них есть. Эта библиотека была бедна, по сравнению с городскими библиотеками, в которых я бывал. Но все равно, как редкий читатель-курсант, я должен был взять какие-то книги, что я и сделал: взял одну толстую книгу в желтой обложке. Это была «Жизнь Наполеона» Стендаля. Все лето я ее таскал с собой в надежде иногда убивать время с помощью Наполеона. А скоро выяснилось, что это средство малоэффективно в условиях курсантской жизни – трудно было сосредоточиться. Но все равно до конца сборов я кое-как закончил эту книгу и сдал в библиотеку.

День начинался с утренней зарядки. Вставали рано. Долго бегали. У меня наручных часов не было, точно не знал, который час. Визуально же солнце только-только взошло. Его первые лучи, ударившись в покрытую снегом вершину Агрыдага, который находится на территории Турции, рассеивались под разными углами, и при этом далеко на небесах образовывалась невероятно красивая картина. Какие краски, какой блеск! Но эта картина была не статичной, она менялась каждую секунду, потому что солнце поднималось все выше и выше, при этом менялись углы отражения солнечных лучей и появлялись все новые и новые картины, одна красивее другой.

Мы, тридцать человек, курсанты одного взвода, бегали толпой. Каждый старался не отставать от основной группы. Не знаю, остальные ребята обращали внимание на это чудо-явление или нет, но я был поражен. Чтобы не портить свой безмолвный восторг какой-то колкостью, неуместным замечанием, я молчал, даже не думал поделиться с кем-либо своими впечатлениями. А глаза мои, как стрелка компаса, неотрывно смотрели в сторону Агрыдага.

У этой горы есть и другое название – Арарат. В XI веке, отвоевав эту территорию у римлян, турки назвали эту гору Агрыдаг. До турков и римлян эта территория принадлежала сасанидам, парфянам, греко-македонянам, персам-ахеменидам, мидянам... А до них, в глубокой древности, в X–VI веках до нашей эры, там, вокруг озера Ван, было государство Бианили со своим хурритским населением. Ассирийцы называли это государство Урарту, и гора тоже так называлась. Слово Урарту из ассирийских источников попало в древнееврейские источники, видоизменилось и стало Арарат. Ветхозаветное царство Арарат означает древнее государство Урарту – Бианили. Итак, из двух основных названий этой горы одно ассириодревнееврейское – Арарат, а другое тюркское – Агрыдаг.

В первый же день, после утренней зарядки и завтрака, начались занятия. Как всегда, нельзя было что-либо писать; все надо было запомнить, но никаких записей – у нас даже тетрадей и ручек не было. А в конце первого занятия майор сказал: «Вы должны и песню петь». Это надо было делать ежедневно, особенно когда мы строем ходили в столовую или на занятия.

Майор дал нам несколько песен на выбор. Из них мы выбрали «Не плачь, девчонка». Выучив слова, стали петь ее в тот же день, когда ходили на обед:

Не плачь, девчо-онка, пройдут дожди,
Солдат верне-ется, ты только жди.

А через день перешли на «Катюшу». Нам эта песня больше нравилась. Все считали, что Катюша лучше безымянной плаксы. Мне самому особенно понравились слова трех строк, и я их пел с особым восторгом:

Выходи-ила на берег Катюша,
На-а высо-окий на берег крутой.
Вы-ыходи-ила, песню заводи-ила...

Казалось, вопрос исчерпан и до конца сборов будем петь эту песню. Но через пару дней ребята начали обсуждать вопрос о переходе на новую песню. Были опробованы другие песни, список которых дал нам майор. При этом выяснилось, что из этих песен мы как раз выбрали две лучшие. Ну тогда давайте сделаем так: чтобы нам не надоело петь все время одну и ту же песню, попеременно один день будем петь «Не плачь, девчонка», а другой день – «Катюша». А что если будем петь азербайджанскую песню? Если разрешат, конечно. Но этот вопрос надо обсуждать с майором.

Наш майор был осетином. Но он как бакинец, безусловно, хорошо знал, что азербайджанская музыка очень богата, там и для солдатской жизни можно найти хорошие песни. Переговоры с майором вели в основном те ребята, которые с ним были в очень хороших отношениях; за эти

три года они с майором так якшались, что стали почти друзья – не разлей вода. Майор их уважал, им доверял и считался с их мнением.

– Если очень хорошая песня, можно, – немного подумав, сказал майор. – Но есть одно но: согласится ли командир полка?

Мы скисли, сникли. А все это видел майор. Пауза. Все думали об одном: разрешит ли командир полка?

– Давайте лучше так: выбирайте одну хорошую песню, хорошенько потренируйтесь, – сказал майор. – Когда будете готовы, я послушаю эту песню в вашем исполнении. Если все будет хорошо, тогда я поговорю с командиром полка. Ладно?

– Хорошо, – сказали мы.

Подобрали несколько песен. Молодцы ребята, они потрудились и наконец нашли подходящие песни. А ребята с геофака, которые были с нами в одном взводе, выглядели активнее. После долгих обсуждений остановились на песне хора из оперы «Кероглы» Узеира Гаджибекова. Хор поет о Чанлибеле – это гористая местность, где обитают Кероглы и семь тысяч семьсот семьдесят семь его боевых соратников.

Если искусство глубоко народно, то переводить его на другие языки очень трудно. Но все же хотя бы приблизительно:

Чанлибель – страна ты моя, крепость моя,

Вот и я стою на страже рубежей твоих,

И как стою: даже птичка не пролетит мимо...

Эти слова сопровождает бесподобная музыка. Все же гений Узеир Гаджибеков неспроста покорила весь мир. Интересно, а как будет здесь? Все зависит от командира полка: если он согласится послушать нас хотя бы один раз...

– Товарищ майор, наша песня уже готова, – сказали те ребята, которые с майором вели переговоры.

– Ну, давайте, спойте, – сказал майор.

И мы стали петь. Но как пели! Майор был в восторге. А мы чуть не плакали от радости. Это было на занятии после обеда. До ужина оставалось два часа.

– Вы продолжайте заниматься. В шесть часов идите в казарму. А я пойду поищу командира полка, – так сказав, майор ушел.

Когда до ужина оставалось всего полчаса, мы сидели в тени возле казармы и с нетерпением ждали, когда же пойдем в столовую, одновременно смотрели на футбольное поле, где солдаты и курсанты самозабвенно сражались. Эти чудаки не признавали никаких запретов, в футбол играли даже в полдень, под палящим солнцем. И вдруг ребята нашего взвода начали вставать со своих мест, собрались вместе, радостно шушукались. Что случилось? Оказывается, получили хорошую весточку от нашего майора: «Командир полка не возражает. Сегодня, когда пойдете на ужин, пойте эту песню. Постарайтесь петь как можно лучше».

Командир полка разрешил нам петь эту песню на азербайджанском языке, а мы каждый день по нескольку раз пели ее.

– Командиру полка очень нравится ваша песня, – с улыбкой на лице говорил иногда наш майор. – Он говорит: «Пусть ребята поют свой “Кероглы” (так называл эту песню русский полковник)». Очень хорошая песня. Между прочим, когда вы поете, весь военный городок стоит на ногах и, затаив дыхание, слушает вас.

Бригада новичков

(рассказ)

Ночной обход я начал с самой крайней установки. На обратном пути надо было заходить в лабораторию. На-

ружная дверь была заперта. Я постучался. Кто-то подошел к двери и спросил: «Кто там?»

– Девушки, это я, начальник смены, – сказал я.

На вахте стояли Биргюль и Таня. А должно быть трое. Без третьего человека в первой и во второй сменах кое-как можно обойтись. Но в третьей смене бригаду должны были укомплектовать.

– А где третий человек? – спросил я.

– Одна лаборантка в отпуске, а начальник не разрешает за нее сверхурочно работать, – сказали девушки.

Отвечая на мои вопросы, лаборантки уже приступили к делу – делали анализы. Люди были заняты; когда на вахте отсутствует человек, другие работники вынуждены напрягаться.

Я вышел из помещения, где девушки работали, зашел в другую комнату. Там на столе был телефонный аппарат, вахтенный журнал и журнал записи результатов анализов. Я сел за стол, взял журналы, полистал, почитал. «У девушек проблем нет, и они очень заняты. А мне надо проверить другие объекты», – так подумав, я встал, по коридору пошел к двери.

– Девушки, я ухожу, – сказал я громче обычного, чтобы они меня услышали и сразу закрыли дверь. – Если будут какие-то проблемы, позвоните. Я буду или на установках, или у себя в кабинете.

В коридор вышла Биргюль, а за ней – Таня.

– Ты уже уходишь? – спросила Таня.

– Да, – сказал я. – А что?

– Так быстро?

– Вы заняты, вам не хочу мешать. К тому же я на обходе, должен зайти и в другие отделы.

Таня, чуть повернув голову, посмотрела на настенные часы, которые в ночной тишине монотонно тикали. Биргюль и я сделали то же самое. Стрелки показывали пятнадцать минут второго.

– Ты не можешь задержаться на полчаса? – сказала Таня.

Обычно я так и делал: задерживался на каждом объекте, разговаривал с людьми – хотел получать более достоверную информацию от самих работников, которые непосредственно работали на данном участке и лучше всех знали, какие там проблемы.

– Могу. Но скажи, пожалуйста, что случилось, зачем это надо?

– Ты знаешь, через полчаса мы должны пойти на установки за пробами. А сегодня пасмурно и очень темно. Мы с Биргюль боимся, – разговаривая со мной, Таня на миг взглянула на Биргюль с намерением, чтобы та подтвердила ее слова. А Биргюль сразу кивнула головой, и это означало: да, мы боимся. – Думаем, лучше на установки пойти с тобой вместе. Тебе не будет трудно?

– Не-ет. О чем ты говоришь? – сказал я и сразу вернулся назад.

Длина внутрицеховой дороги с одного конца до другого была больше километра, но она не освещалась – девушки были правы. Надо было их сопровождать. Но это не все, надо было еще поговорить со старшими операторами установок, чтобы кто-то из операторов сопровождал их и на обратном пути.

Девушки работали в разных, но в смежных комнатах и одновременно разговаривали.

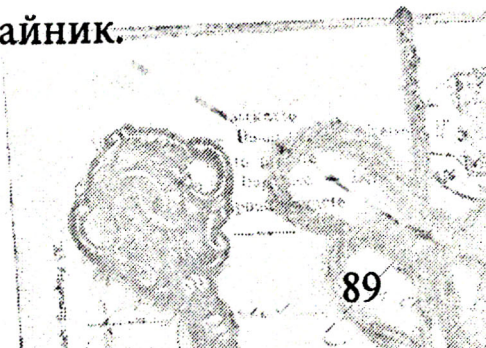
– Биргюль, ты слышишь меня? – сказала Таня.

Биргюль отозвалась и на азербайджанском языке сказала, что ее хорошо слышит. Услышав это, я подумал, что девушки шутят.

– Ты, пожалуйста, включи электрочайник.

– Бу саат¹, – сказала Биргюль.

¹ – Сейчас.

Я задумался: ничего себе, девушки разговаривают, но, как ни странно, каждая говорит только на своем языке. А в это время раздался голос Тани:

– Биргюль, я очень занята, не могу оторваться от работы. Этот вискозиметр – фу, дрянь! – опять барахлит. Пожалуйста, открой мой ящик, там остались конфеты. Ты их возьми, положи в сахарницу. Налей чай, отнеси начальнику.

– Яхшы², – сказала Биргюль.

– Ты точно поняла, что я сказала? – чуть громче сказала Таня.

– Дедим, йахшы да-а. Карсан? Гышгырма³.

– Молодец, Биргюль. Ты просто прелесть. Но только не ори, пожалуйста. Ладно? А то люди подумают, мы с тобой ссоримся, что ли...

Биргюль зашла в комнату, где я сидел. Она поставила на стол стакан чая и сахарницу, потом вернулась назад. Чай был горячим. Пришлось подождать.

Девушки уже завершили свою работу. Надо было записывать результаты анализов в журнал. А это делала Таня.

– Биргюль, принеси мне результаты определения температуры вспышки масла и парафина.

– Бу саат⁴.

– А где инертный газ?

– О да бурдады. Буду... Яхшы бахсана⁵.

Записав результаты анализов в журнал, девушки в спешке начали готовиться к выходу из лаборатории. Они собрали кучу бутылок и металлических кружек. Бутылки положили в самодельный деревянный ящик с ручкой, который был похож на большой портфель. Кружки же положили в алюминиевую посуду, похожую на большую кастрюлю, – эта штука тоже

² Хорошо.

³ Сказала «хорошо». Глухая, что ли? Не кричи.

⁴ Сейчас.

⁵ Это тоже здесь. Вот... Хорошо смотри.

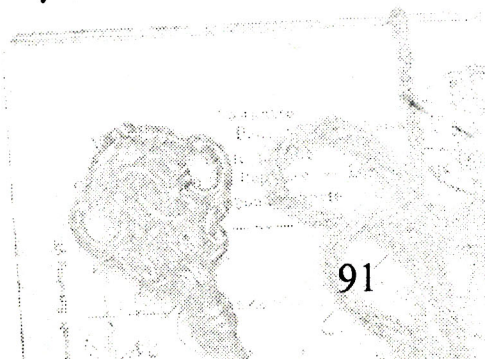
была снабжена ручкой для удобства при переносе. И вся эта возня сопровождалась шумом, криком, взаимными упреками, предупреждениями, мол, смотри, не бери то, что не нужно, не забывай то, что нужно, и т. п. При этом, как у них было принято, каждая из них говорила исключительно на своем родном языке. А Биргюль... Она три месяца назад приехала из отдаленного села Казахского района в Баку. Плохо училась в школе, на завод же устроилась для того, чтобы заработать немного денег, купить себе приличную одежду, обувь. Она говорила на типичном казахско-борчалинском диалекте в его первоизданном, почти не обработанном варианте. Ее говор кишмя кишел искаженными глаголами всех времен и лиц типа «алерам»⁶, «бахерам»⁷ и т. п. Она очень часто употребляла идиоматические выражения, порой непонятные самим азербайджанцам из других регионов, даже целые предложения типа «Аз-аз, бу верана галмыша бахерсанмы!»⁸, которые на другие языки не переводятся, а если попытаться их переводить, получится абсурд. Как же ее понимала Таня – русская девушка, которая всего пять месяцев назад приехала из Саратова в Баку?

Таня здесь поступила на технологический факультет АЗИ (Нефтяная Академия) и, поскольку училась на вечернем отделении, должна была работать по специальности. Поэтому ей пришлось работать на нефтеперерабатывающем заводе. Итак, две девушки, новички в городе Баку, начали работать в лаборатории. В этой бригаде с ними вместе работала еще одна девушка, но так получилось, что она была в отпуске и я ее не знал. Единственной преградой в общении и совместной работе этих девушек был язык: Биргюль не знала русского языка, а Таня – азербайджанского. Но они как-то умудрялись понимать друг друга. Как это им удавалось?

⁶ Возьму.

⁷ Смотрю.

⁸ Посмотрите, что она натворила!

Когда в силу обстоятельств вынуждены общаться такие люди, они очень внимательно смотрят друг другу в глаза. Каждый напряженно следит за жестикующей своего оппонента, а если знает несколько слов из его языка, то, вставляя в предложения на своем языке, их обязательно использует; порой придумывает что-то оригинальное, издает какие-то звуки... И все это дает очень хороший эффект – в принципе, они понимают друг друга.

Один раз, не имея возможности вмешаться, я наблюдал очень типичную сцену. Соседи – русская и азербайджанская семьи – имели общую кухню.

Жена русского соседа пошла в кухню, чайник поставила на газовую плиту, включила газ и ушла. За ней в кухню зашел гость азербайджанского соседа: молодой мужчина, который из района приехал к своим родственникам и очень плохо знал русский язык. Он искал тихое и уютное место, где можно было хотя бы полчаса посидеть, отдохнуть от детского шума. Общая кухня была как раз таким местом. Через некоторое время вода в чайнике стала кипеть. Мужчина встал, выключил газ и опять сел. Через минуту в кухню зашла русская женщина. Газ выключен, чайник горячий. Но действительно ли вода в чайнике закипела? Может быть, запах газа не понравился мужчине и он взял и отключил газ? Все же надо уточнить.

– Чайник закипел? – спросила женщина.

Казалось бы, очень простое предложение. Слово «чайник» есть и в азербайджанском языке. Но мужчина не понимал значение слова «закипел», поэтому ему был непонятен вопрос. Женщина повторила вопрос. Опять то же самое: мужчина тупо посмотрел на нее и ничего не сказал. Между тем женщина уже догадалась, в чем дело: мужчина не понимает значение слова «закипел». Что делать, чем заменить это слово? При кипении воды чайник спокойно не стоит, издает звук. Вот этим звуком надо заменить непонятное слово.

– Чайник быз-быз? – сказала женщина.

На этот раз мужчина ее понял и сразу же ответил:

– Да, быз-быз! Чайник быз-быз.

Вот так выход был найден, люди поняли друг друга.

А у этих девушек все было по-другому. Из уст каждой из них изливался поток слов, словно два родника текли рядом, при этом не мешая друг другу и не смешиваясь. В такой обстановке человек не может понять своего собеседника. А Биргюль с Таней понимали друг друга. Но при общении они не жестикулировали, не следили за выражением лица своего оппонента и не издавали звуков типа «быз-быз» и т. п. Таня не вставляла азербайджанские слова в русские предложения, Биргюль не использовала русские слова в азербайджанских предложениях... Все было необычно и очень уникально.

Наконец-то возня закончилась. Мы втроем покинули лабораторию и уже были на внутрицеховой дороге. Девушки стали говорить между собой. Ночь, черная завеса тьмы не должны были страшить их, потому что я – сильный молодой мужчина – сопровождал их. Но все равно в их разговоре чувствовалась тень опасения.

– А Таня, – сказала Биргюль, – йаман гаранлыгды⁹.

– Да, точно, Биргюль, очень темно, – сказала Таня.

А я переключился на другую тему. Очень оригинальный разговор двух девушек уже не приковывал мое внимание. И, как ни странно, в ночной темноте этот феномен как будто стал обычным явлением. Тьма имеет свои закономерности, это другой мир. Там, где света нет, мир становится другим, человек тоже начинает мыслить по-другому. Ведь недаром же подавляющее большинство всех преступлений совершается именно ночью.

⁹ Таня, видишь, как темно.

Внутрицеховая дорога начиналась с западной части цеха, шла мимо мастерской, установки инертного газа, возводимого объекта, компрессорной станции, лаборатории и дошла до стен резервуарного парка. А там, на расстоянии четырехсот метров от лаборатории, повернула на юг, прошла мимо установок депарафинизации, оставляя на правой стороне водоблок и управление цеха, дошла до основного входа в цех. Только на повороте у стен резервуарного парка, на самом верху столба, горела одна лампочка. Но она была так запылена, загрязнена, что ее слабый, розово-желтый свет напоминал светляка, застрявшего на верху столба. Практически внутрицеховая дорога длиной более одного километра не была освещена.

Самой темной зоной же был участок между компрессорной станцией и лабораторией. Этим пользовались люди, которым темнота была на руку; через забор они проникали на территорию завода, воровали стройматериалы, трубы и до того обнаглели, что начали нападать на женщин.

Вот недавно, именно в это время, в два часа ночи, бандиты – два молодых парня – заметили двух девушек, которые вышли из лаборатории и пошли темной дорогой в сторону установок. Отложив свои дела, они напали на девушек: хотели их изнасиловать. Одна из девушек не растерялась, стала самоотверженно защищаться, уловив момент, сумела даже деревянным ящиком нанести удар напавшему на нее парню. Удар получился довольно-таки сильным. Бандиты не ожидали такого сопротивления. А еще вот этот удар... Между тем девушки уже начали кричать во весь голос, призывая на помощь. Бандиты сильно испугались, отступили и исчезли в темноте.

К утру уже весь завод знал об этом инциденте. Но этот вопрос не обсуждался даже на цеховом уровне – руководство было занято вопросами плана, для мелочей у них времени не было. Только три человека серьезно обсуждали этот вопрос.

К десяти часам к начальнику цеха явился брат одной из этих девушек, той, которая деревянным ящиком ударила бандита. Человек требовал, чтобы его сестру срочно уволили.

– Такой вопрос быстро не решается, – сказал начальник цеха. – Как правило, люди увольняются в течение месяца.

Но человек был настроен агрессивно, а после нравоучения начальника цеха стал требовать более решительно, даже угрожал:

– Я не позволю, чтобы моя сестра работала в этом проклятом бардаке не только месяц, но даже полдня. Вы должны уволить ее срочно, сейчас же. Иначе будет плохо!

Начальник цеха не выдержал такого натиска и позвонил начальнику отдела кадров. Два начальника этот вопрос обсудили по телефону и пришли к выводу, что дело – дрянь: если инцидент получит огласку, сильно пострадает имидж завода; но это не все, еще кое-кому придется уйти со своего поста. Поэтому пришлось выполнять требование брата пострадавшей девушки.

Недостатков типа плохого освещения, отсутствия горячей воды в душевых, ужасное – именно ужасное – состояние туалетов и т. п. было очень много. Люди говорили об этом. И, как ни странно, это не нравилось руководству. Людей предупреждали: вы лучше занимайтесь своими делами и меньше говорите. На этой почве возникали конфликты. Иногда дело доходило до общезаводских собраний – это был особый метод избавления от неудобных людей, минуя существующее трудовое законодательство.

Совершенно случайно получилось так, что одно из таких собраний было объявлено, но оно не состоялось. Этому помешал пожар – самый страшный пожар за всю вековую историю завода. В два часа ночи – оставалось всего восемь часов до начала этого так и не состоявшегося собрания – на самом крупном объекте завода, на установке ЭЛОУ АВТ, начался пожар. В тот момент установка работала на пол-

ную мощность. Все трубопроводы, емкости, теплообменники, холодильники, колонны были заполнены нефтью или нефтепродуктами. Как огромный кит легко и без особых усилий плавает в бескрайних водах океана, так и установка-громадина свистела, гудела, приятно пыхтела, но очень проворно и смело делала свое дело – работала. И вдруг осечка ... – как будто торпеда, выпущенная из неизвестного корабля, как бы случайно насквозь поразила кита. Случилось что-то страшное и роковое – это был конец.

Крупный объект с территорией более двух гектаров за считанные минуты превратился в огромный факел и стал страшно пылать. Высота пламени на участках насосного помещения и ректификационных колонн временами достигала стометровой отметки. Это был настоящий ад. Но навряд ли в аду такое тоже бывает.

Вся территория завода и близлежащие жилые массивы города освещались огромным факелом, стало светло, как среди белого дня. И внутрицеховая дорога, по которой в ночные смены девушки ходили за пробами и все время боялись, что из этих темных углов кто-нибудь неожиданно выйдет и нападет на них, очень хорошо освещалась; так продолжалось до утра, пока горела установка.

Все пожарные части города Баку по тревоге были подняты на ноги. Но такой пожар невозможно потушить. Поэтому все усилия пожарников были направлены на то, чтобы локализовать пожар, не дать ему возможность распространиться на другие объекты. Наблюдая за борьбой людей со стихийным бедствием, каждый раз убеждаешься: как бы ни кичился человек своими научно-техническими достижениями, все равно он очень слаб и совершенно бессилён по сравнению со слепой силой природы. Это всегда так было, так и будет.

Как огненная лава извергается из кратера вулкана, так и пламя пожара извергалось со страшной силой; оно свирепствовало, яростно билось, как попавший в западню

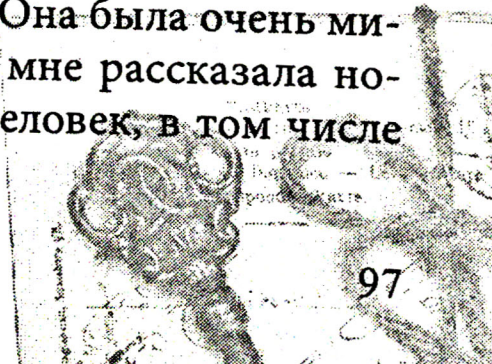

сильный, опытный и очень хитрый хищник, искусно маневрировало, неустанно искало слабое место в цепком окружении, хотело во что бы то ни стало обмануть, обойти людей, вырваться на свободу, захватить как можно больше территорий, сожрать, уничтожить, стереть с лица земли все то, что создано человеком.

К шести часам утра на установке ЭЛОУ АВТ сгорело все, что было способно гореть. Остались лишь сильно почерневшие каменные стены, бетонные блоки, деформировавшиеся от высокой температуры и годные только на металлолом огромные металлические корпуса.

Все же пожарным удалось локализовать пожар – сгорела только ЭЛОУ АВТ. Но все равно заводу был нанесен огромный ущерб – сгорело ползавода. Это не означало половину территории завода или половину всех технологических установок. Территория завода была огромной – несколько сот гектаров. Установок тоже было много – около пятидесяти, а сгорела всего одна. Но это был особый объект – очень значительный и дорогостоящий, его строили зарубежные специалисты. Эта была очень мощная, современная для своего времени установка, на ее строительство было потрачено очень много сил и средств. Не проработав даже одного года, новейшая установка сгорела полностью.

Девушек я сопровождал до установок. Но после этой ночи их не видел, потому что скоро ушел в отпуск, а вернувшись из отпуска, перевелся на другую работу и покинул цех. Иногда – очень редко и случайно – видел кого-то из работников цеха. Один раз же таким редким и случайным человеком оказалась лаборантка цеха. Она была очень милостива. Эта милостивая лаборантка мне рассказала новости цеха и сказала, что несколько человек, в том числе Биргюль и Таня, ушли с завода.

Однажды, через три года после моего ухода из цеха, я стоял на автобусной остановке. Вдруг заметил, что одна молодая женщина стоит возле газетного киоска, который находился рядом с остановкой, и смотрит в мою сторону; на ее лице играла улыбка, как будто солнечные лучи, отражаясь от поверхности воды, попадали на какой-то вертикально стоящий предмет и там весело играли. Я уже по опыту знаю, что так смотрит человек, который меня знает. Интересно, кто это? Что-то знакомое было в ее облике. Но знакомые черты были слегка стерты временем, и я не мог узнать, кто это.

Автобус опаздывал. А я стоял на остановке и нервничал – эта вечная проблема автотранспорта в нашем городе. Улучив момент, я опять посмотрел на женщину. Она стояла на том же месте и с улыбкой на лице смотрела в мою сторону. На этот раз я заметил, что она не одна – рядом с ней стоял молодой мужчина. Я нахмурился и подумал, что надо прекратить эту игру. Отошел на пять-шесть шагов, слегка повернув голову, посмотрел вдоль дороги с надеждой увидеть долгожданный автобус. Любопытство взяло верх, исподтишка я опять посмотрел на женщину. В это время подъехал автобус, и озарилась моя память. Я вспомнил: это же Биргюль... Да, точно, это Биргюль. Но она сильно изменилась; иногда не очень-то красивая, порой даже непривлекательная девушка, выходя замуж, сильно меняется, преобразаясь, превращается в прелестную даму. Биргюль тоже так изменилась, поэтому я сразу ее не узнал. А когда узнал, уже было поздно: не имея достаточного времени для размышления, я машинально зашел в салон автобуса. Когда автобус остановился на следующей остановке, я уже думал о другом: может быть, сойти с автобуса, вернуться назад, подойти к Биргюль, поздороваться с ней, спросить, как ее дела, как живет и где работает? Потом надо сказать:

– А где твоя подруга Таня? Она же училась в АЗИ, как ее учеба? Где она работает? Потом скажи, пожалуйста, Бир-

гюль, как же вы тогда умудрялись, не зная языка друг друга, общаться между собой? Это очень интересно, даже феноменально. Никто не поверит, но факт. Я не собираюсь кого-то уверять, что все это видел своими глазами, не надо и в этом нет никакой необходимости. Меня интересует другое: как вы добились этого? Может быть, есть какое-то неведомое нам другое средство общечеловеческого общения, ну, скажем, прапраязык, и для того, чтобы его знать, не нужно особых усилий и прилежаний, надо быть только человеком: простым, обыкновенным человеком. Скажи, Биргюль, так ли это? Между прочим, я тоже кое-что особенное знаю и не собираюсь от кого-то скрывать это. Вы с Таней ушли с завода, а я – нет. Вот уже пять лет работаю на этом заводе. За время работы я многому научился и уже твердо знаю: если людям нужен свет, надо дать им свет, иначе все сгорит...

Я так думал и мысленно разговаривал с Биргюль. Но окончательно не решил: сойти с автобуса, вернуться к той остановке, где возле газетного киоска стояла Биргюль, или не сойти. Я бы очень хотел, но колебался, медлил, потому что это была сомнительная затея: найду ли я там Биргюль? Я долго думал. Тем временем автобус все больше и больше удалялся от того места, где я видел Биргюль.

Если бы я сразу ее узнал... А Биргюль молодец, она сразу же меня узнала и так смотрела, словно хотела сказать: «Ты меня не узнаешь? Как это? Не видишь, что это я – Биргюль. О чем ты думаешь? Ну перестань ты, смотри на меня, я же Биргюль...»

Жаль, что я сразу ее не узнал. У меня часто так бывает: упускаю нужный момент, а потом всю жизнь сожалею об этом.

